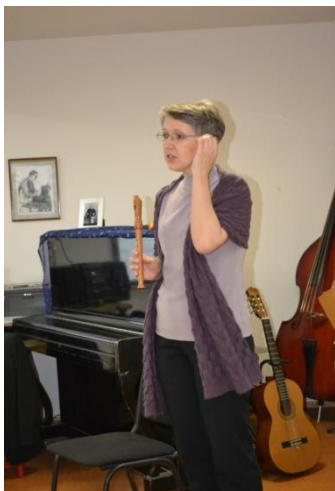

Кулешова Е.Н. (флейта)

То были времена чудес,
Сбывались слова пророка:
Сходили ангелы с небес,
Звезда катилась от Востока,
Мир искупленья ожидал –
И в бедных яслях Вифлеема,
Под песнь хвалебную Эдема,
Младенец дивный воссиял.

Мей Лев Александрович, 1855г

Бродский Иосиф. Сретенье

Когда Она в церковь впервые внесла
Дитя, находились внутри из числа
людей, находившихся там постоянно,
Святой Симеон и пророчица Анна.

И старец воспринял Младенца из рук
Мариин; и три человека вокруг
Младенца стояли, как зыбкая рама,
в то утро, затеряны в сумраке храма.

Тот храм обступал их, как замерший лес.
От взглядов людей и от взора небес
вершины скрывали, сумев распластаться,
в то утро Марию, пророчицу, старца.

И только на темя случайным лучом
свет падал Младенцу; но Он ни о чём
не ведал ещё и посапывал сонно,
покоясь на крепких руках Симеона.

А было поведено старцу сему
о том, что увидит он смертную тьму
не прежде, чем Сына увидит Господня.
Свершилось. И старец промолвил: «Сегодня,

речённое некогда имя храня,
Ты с миром, Господь, отпускаешь меня,
затем что глаза мои видели это
Дитя: он – твоё продолженье и света

источник для идолов чтящих племён,
и слава Израиля в нём». – Симеон

умолкнул. Их всех тишина обступила.
Лишь эхо тех слов, задевая стропила,

кружилось какое-то время спустя
над их головами, слегка шелестя
под сводами храма, как некая птица,
что в силах взлететь, но не в силах спуститься.

И странно им было. Была тишина
не менее странной, чем речь. Смущена,
Мария молчала. «Слова-то какие...»
И старец сказал, повернувшись к Марии:

«В Лежащем сейчас на раменах твоих
паденье одних, возвышенье других,
предмет пререканий и повод к раздорам.
И тем же оружием, Мария, которым

терзаема плоть Его будет, Твоя
душа будет ранена. Рана сия
даст видеть Тебе, что скрыто глубоко
в сердцах человеков, как некое око».

Он кончил и двинулся к выходу. Вслед
Мария, сутулясь, и тяжестью лет
согбенная Анна безмолвно глядели.
Он шёл, уменьшаясь в значеньи и в теле

для двух этих женщин под сенью колонн.
Почти подгоняем их взглядами, он
шагал по застывшему храму пустому
к белевшему смутно дверному проёму.

И поступь была стариковски тверда.
Лишь голос пророчицы сзади когда
раздался, он шаг придержал свой немного:
но там не его окликали, а Бога

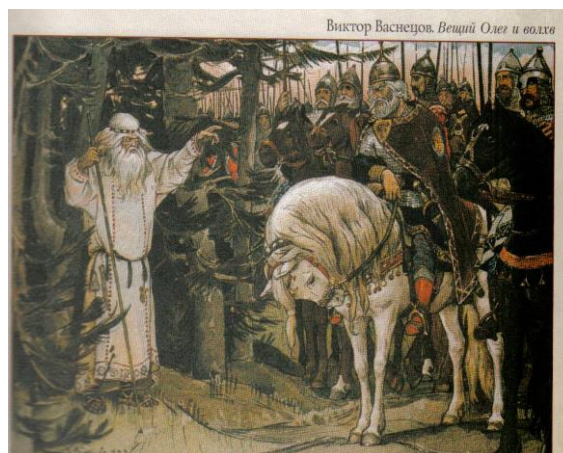
пророчица славить уже начала.
И дверь приближалась. Одежд и чела
уж ветер коснулся, и в уши упрямо
врывался шум жизни за стенами храма.

Он шёл умирать. И не в уличный гул
он, дверь отворивши руками, шагнул,
но в глухонемые владения смерти.
Он шёл по пространству, лишённому тверди,
он слышал, что время утратило звук.

И образ Младенца с сияньем вокруг
пушистого темени смертной тропею
душа Симеона несла пред собою,

как некий светильник, в ту чёрную тьму,
в которой дотоле ещё никому
дорогу себе озарять не случалось.
Светильник светил, и тропа расширялась.

Крыжановская П., Шивцова А., 4А

Пушкин Александр Сергеевич Песнь о вещем Олеге (фрагмент)

Как ныне собирается вещий Олег
Отмстить неразумным хозарам;
Их сёла и нивы за буйный набег
Обрѣк он мечам и пожарам;
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Из тёмного леса, навстречу ему,
Идёт вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях проведший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землёю?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмёшь ты коня».

«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе,

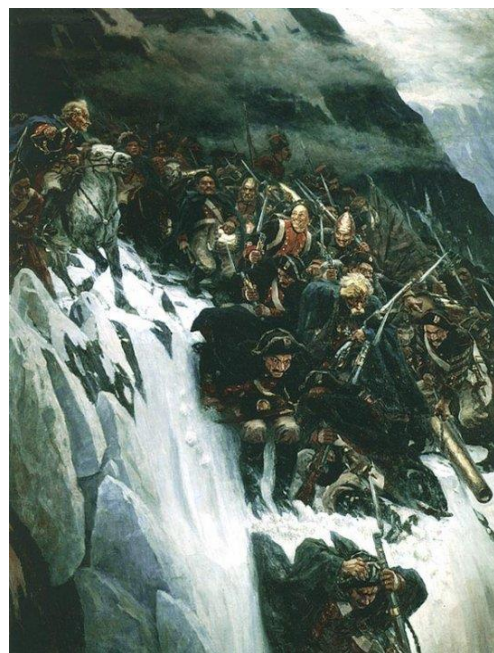
Запомни же ныне ты слово моё:
Воителю слава – отрада;
Победой прославлено имя твоё:
Твой щит на вратах Цареграда;
И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ, И стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы...
Под грозной бронёй ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смиренный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю,
И холод и сеча ему ничего.
Но примешь ты смерть от коня своего».

Цит. из: Шедевры русской поэзии для детей XVII – XXI веков. В 4-х т. Т. 1 / Сост. В.А. Кожевников. – М.: Синергия, 2008. – С. 141 – 143. (400 с.)

Федотова С., 7Б

Генералиссимус Суворов (фрагмент)

«Суворов был потрясен известием.

Бесконечные обманы и предательство австрийцев наконец-то привели к тому, к чему они все время стремились, – к катастрофе.

Суворов со своим 18-тысячным отрядом оказался один на один против 60 с лишком тысяч свежих войск Массена.

Суворов очутился в западне, в тесном ущелье среди неприступных гор. Французы заперли ему все выходы из долины, сторожили каждый его шаг.

В довершение ко всему эта горсть русских терпела ужасные лишения. Войска Суворова были окончательно изнурены невероятно трудным походом, ежедневными боями. Не спавшие сутками, не выдавшие горячей пищи, босые, голодные и холодные люди шли, как тени. У солдат уже не осталось сухарей. Офицеры рады были кусочку хлеба, картофелине. Заряды и патроны были на исходе. Артиллерия – только горная.

На карту ставилась честь русской армии, честь России. Неужели – катастрофа?

Неужели в конце столь славной победной военной деятельности – позор?

Суворов находился в страшном волнении. Разные чувства обуревали его. Гнев, возмущение предательством австрийцев сменялись тревогой за армию, за честь России.

Он не находил себе места в этой келье. Не спал всю ночь. Не мог дожидаться утра: утром Суворов решил созвать военный совет. Впервые в жизни он, человек непреклонной воли, действительно нуждался в товарищеской поддержке. Всегдашняя решимость и вера в себя и в свой народ не оставили его и на этот раз. Сам он готов был к невероятным трудностям и лишениям, но хотел об этом услышать от своих верных соратников. Хотел услышать, что на эти невероятные трудности и лишения так же самоотверженно пойдут до конца и они».

Раковский Леонтий Иосифович. Генералиссимус Суворов. – М.: Военное Издательство Министерства Обороны Союза ССР, 1956. – С. 497 – 498. (535 с.)

5. Сулова Ю., 6А

Памятник А.С. Пушкину в Лицейском саду (г. Пушкин)
Скульптор Роберт Романович Бах

Иосиф Бродский. Памятник

*...И Пушкин падает
в голубоватый колючий снег*
Э. Багрицкий

...И тишина.
И более ни слова.
И эхо.
Да еще усталость.
...Свои стихи
доканчивая кровью,
Они на землю глухо опускались.
Потом глядели медленно
и нежно.
Им было дико, холодно
и странно.
Над ними наклонялись безнадежно
седые доктора и секунданты.
Над ними звезды, вздрагивая,
пели,
над ними останавливались
ветры...

Пустой бульвар.
И пение метели¹.
Пустой бульвар.
И памятник поэту.
Пустой бульвар.
И пение метели.
И голова
опущена устало.

...В такую ночь
ворочаться в постели
приятней,
чем стоять
на пьедесталах.

**Текст приводится по СИП*

¹ Вариант следующих двух строк: сообщенный по памяти Анной Румшинской: «И одинокий памятник поэту»

Цветаева Марина Ивановна. Мой Пушкин (фрагмент)

«...В красной комнате был тайный шкаф.
Но до тайного шкафа было другое, была картина в спальне матери – «Дуэль».
Снег, чёрные прутья деревец,
Двое чёрных людей проводят третьего, под мышки, к саням – а ещё один, другой, спиной отходит. Уводимый – Пушкин, отходящий – Дантес.
Дантес вызвал Пушкина на дуэль, то есть заманил его на снег и там, между чёрных безлистных деревец, убил.

Первое, что я узнала о Пушкине, это – что его убили.
Потом я узнала, что Пушкин – поэт, а Дантес – француз. Дантес возненавидел Пушкина, потому что сам не мог писать стихи, и вызвал его на дуэль, то есть заманил на снег и там убил из пистолета в живот. Так я трёх лет твёрдо узнала, что у поэта есть живот, и, – вспоминаю всех поэтов, с которыми когда-либо встречалась, – об этом *животе* поэта, который так часто не-сыт и в который Пушкин был убит, пеклась не меньше, чем о его душе. С пушкинской дуэли во мне началась *сестра*. Больше скажу – в слове *живот* для меня что-то священное, – даже простое «болит живот» меня заливают волной содрогавшегося сочувствия, исключавшего всякий юмор. Нас этим выстрелом всех в живот ранили.

О Гончаровой не упоминалось вовсе, и я о ней узнала только взрослой. Жизнь спустя горячо приветствую такое умолчание матери. Мещанская трагедия обретала величие мифа. Да, по существу, третьего в этой дуэли не было. Было двое: любой и один. То есть вечные действующие лица пушкинской лирики: поэт – и чернь. Чернь, на этот раз в мундире кавалергарда, убила – поэта. А Гончарова, как и Николай I, – всегда найдётся.

– Нет, нет, нет, ты только представь себе! – говорила мать, совершенно не представляя себе этого *ты*. – Смертельно раненный, в снегу, а не отказался от выстрела! Прицелился, попал и ещё сам себе сказал: bravo! – тоном такого восхищения, каким ей, христианке, естественно бы: «Смертельно раненный, в крови, а простил врагу!» Отшвырнул пистолет, протянул руку, – этим, со всеми нами, явно возвращая Пушкина в его родную Африку мести и страсти и не подозревая, какой урок – если не мести, так страсти – на всю жизнь даёт четырёхлетней, еле грамотной мне.

Чёрная с белым, без единого цветного пятна, материнская спальня, чёрное с белым окно: снег и прутья тех деревец, чёрная и белая картина «Дуэль», где на белизне снега совершается чёрное дело: вечное чёрное дело убийства поэта – черню.

Пушкин был мой первый поэт, и моего первого поэта – убили.

С тех пор, да, с тех пор, как Пушкина на моих глазах на картине Наумова – убили, ежедневно, ежечасно, непрерывно убивали все мои младенчество, детство, юность, – я поделила мир на поэта – и всех и выбрала – поэта, в подзащитные выбрала поэта: защищать – поэта – от всех, как бы эти все ни одевались и ни назывались. ...

Но и до «дуэли» Наумова – ибо у каждого воспоминания есть своё до-воспоминание, предок-воспоминание, пращур-воспоминание, точно пожарная лестница, по которой спускаешься спиной, не зная, будет ли ещё ступень – которая *всегда* оказывается – или внезапное ночное небо, на котором открываешь всё новые и новые высочайшие и далечайшие звёзды, – но до «дуэли» Наумова был другой Пушкин, Пушкин – когда я ещё не знала, что Пушкин – Пушкин. Пушкин не воспоминание, а состояние, Пушкин – всегда и от всегда, – до «Дуэли» Наумова была заря, и, из неё вырастая, в неё уходя, её плечами рассекая, как пловец – реку, – чёрный человек выше всех и чернее всех – с наклоненной головой и шляпой в руке.

Памятник Пушкина был не памятник Пушкина (родительный падеж), а просто Памятник-Пушкина, в одно слово, с одинаково непонятными и порознь не существующими понятиями памятника и Пушкина. То, что вечно, под дождём и под снегом, – о, как я вижу эти нагруженные снегом плечи, всеми российскими снегами нагруженные и осиленные африканские плечи! – плечами в зарю или в метель, прихожу я или ухожу, убегаю или добегаю, стоит с вечной шляпой в руке, называется «Памятник-Пушкина».

Спирин М., 7А

*Опять на площади Дворцовой
Блестит колонна серебром.
На гулкой мостовой торцовой
Морозный иней лёг ковром.*

*Несутся сани за санями,
От лошадей клубится пар,
Под торопливыми шагами*

Звенит намерзший тротуар.

Беспечный смех... Живые лица...
Костров весёлые огни, –
Прекрасна Невская столица
В такие солнечные дни.

Идёшь и полной грудью дышишь,
Спускаешься к Неве на лёд
И ветра над собою слышишь
Широкий солнечный полёт.

И сердце радостью трепещет,
И жизнь по-новому светла,
А в бледном небе ясно плещет
Адмиралтейская игла.

Иванов Георгий Владимирович (1894 – 1958). Опять на площади Дворцовой... / Шедевры отечественной поэзии XVIII, XIX, XX веков. В 3-х т. Т. 2. / Сост. и коммент. А.М. Гуревич. – М.: Синергия, 2004. – С. 444 – 445. (559 с.)

Кравцова Н., 6А

Искусство пантомимы

«Шумит и переливается ярким многоцветьем площадь старинного французского городка начала девятнадцатого столетия. Ярмарка. Праздник. Веселье. Горы овощей, фруктов, буйные краски тканей и одежд. Вино. Цирк.

В шахматную клетку Арлекин. Проказливая Коломбина, в стороне грустный Пьеро. Слезы. Слезы от смеха.

Но вдруг в толпе, окружившей помост бродячих артистов, вспыхивает скандал. Пузатый буржуа, у которого... ловкий воришка украл часы, поднимает крик, зовёт полицейского и обвиняет стоявшую рядом, ни в чём не повинную крестьянскую девушку. Бедная красавица! Ей грозит тюрьма! Она кричит, что она невиновна! ...Но кто это подтвердит?.. Все умолкают, и вдруг грустный Пьеро с набеленным лицом делает шаг вперед. ...

Толпа замирает. Пьеро рассказывает. Но не говорит ни слова. Говорят его тело, руки, глаза! Вот перед нами возникает толстый буржуа, вот хрупкая девушка, вот развязный, весь, как на шарнирах, воришка крадёт часы. Скандал. Появляется полицейский, которого невозможно сразу же не узнать по его походке в кованых сапогах. Толпа весело хохочет, всё ясно. ...Что ж – ничего удивительного: разве есть более выразительный и прекрасный «инструмент», чем человеческое тело, послушное воле исполнителя?

Пройдёт человечество ещё сто лет. Прогремят никому, как всегда, ненужные и бессмысленные войны, и на дорогах планеты появится фигурка в драных, стоптанных башмаках, и огромные печальные глаза, которые мы ласково зовём Чарли, глаза полные щемящей душу грусти и тревоги за нас, за людей. Маленький смешной рыцарь, вы помните, как служит ему её высочество Пантомима?»

Енгибаров Леонид Георгиевич. Я подарю тебе звёздный дождь. Воспоминания, рассказы, новеллы. – М.: Культурный центр «Софит» им. Л. Енгибарова, 2012. – С. 117–118. (232 с.)